

ИДЕИ ФИХТЕ В ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЯХ РУССКИХ НЕОКАНТИАНЦЕВ

Л. Ю. Корнилаев^{1,2}

Учение Фихте сыграло значительную роль в становлении неокантианских философских проектов как в Германии, так и в России. На примере работ Б. П. Вышеславцева, Б. В. Яковенко и Г. Э. Ланца предпринимается попытка реконструкции тех влияний, которые оказали идеи Фихте на философские построения русских неокантианцев. В историко-философских сочинениях русских неокантианцев сформировался целостный интерпретационный контекст философии Фихте, который следует рассматривать как неотъемлемую и значимую часть отечественного фихтеведения. Ключевыми тенденциями этих сочинений являются попытки сблизить учение Фихте с русской философией, представить его философскую систему целостно, без разделения на автономные периоды творчества, акцентировать внимание на этическом характере его философии, подчеркнуть заслуги немецкого философа в разработке проблемы иррационального и др. Для теоретических трудов русских неокантианцев характерно особое внимание к фихтеанским идеал-реалистическим построениям, логицистскому пониманию абсолютного бытия, попытке снять противоречие абсолютного единства и наличной конкретной множественности. Идея примата практического разума у Фихте, ставшая ключевой для образа фихтеанской философии в немецком неокантианстве, получила продолжение и оригинальное развитие и у русских неокантианцев. Вышеславцев предпринял последовательное выведение права, государства и хозяйства из этического содержания «наукоучения»; Яковенко

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14.

Поступила в редакцию: 02.12.2022 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2025-2-5

FICHTE'S IDEAS IN THE PHILOSOPHICAL DOCTRINES OF RUSSIAN NEO-KANTIANIS

L. Yu. Kornilaev^{1,2}

Fichte's doctrine played a significant role in the emergence of Neo-Kantian philosophical projects both in Germany and in Russia. This paper proceeds from the works of Boris Vysheslavtsev, Boris Yakovenko and Henry Lanz and tries to reconstruct the influences exerted by Fichte's ideas on the philosophical ideas of Russian Neo-Kantians. The historical-philosophical works of Russian Neo-Kantians constitute an integral body which provides an interpretative context of Fichte's philosophy and forms an inalienable and significant part of Fichte studies in Russia. The main tendency of these works is an attempt to bring Fichte's doctrine closer to Russian philosophy, to represent his philosophical system in its entirety without dividing it into autonomous periods, drawing attention to the ethical character of his philosophy and stressing the German philosopher's contribution to the study of the problem of the irrational. The works of Russian Neo-Kantians are characterised by particular attention to Fichte's ideal-realist ideas, his logicistic approach to absolute being, the attempt to overcome the contradiction between absolute unity and the concrete manifold. Fichte's idea of the primacy of practical reason, which shaped the image of Fichtean philosophy in German Neo-Kantianism, was taken up and developed in an original way by Russian Neo-Kantians. Vysheslavtsev made a consistent attempt to derive law, the state and economics from the ethical content of epistemology, "the science of knowledge"; Yakovenko suggested in-

¹ Lomonosov Moscow State University. GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.

² Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Aleksandra Nevskogo, Kaliningrad, 236041, Russia. Received: 02.12.2022.

doi: 10.5922/0207-6918-2025-2-5

предложил трактовать «наукоучение» как учение о жизни и свободе, как философское обоснование христианской идеи; Ланц рассматривал философию Фихте в том же ключе: как «восстание морали против теории», как философию свободы.

Ключевые слова: Фихте, неокантианство, иррациональность, наукоучение, русское неокантианство

Введение

На рубеже XIX–XX вв. философия Фихте оказалась в числе ключевых идейных «узлов», вокруг которых складывалось русское неокантианство³. Это связано как с влиянием со стороны немецких неокантианцев, заинтересованных в фихтеанской ревизии философии Канта, так и с прямым интересом русских философов-неокантианцев к учению Фихте. Русское неокантианство является неотъемлемой и органичной частью «русской фихтеаны». Первые подступы к решению исследовательских задач, возникающих в связи с феноменом русской фихтеаны и его значением для развития русской философии, были представлены в 2000 г. в коллективной монографии под ред. В. Ф. Пустарнакова «Философия Фихте в России» (Философия..., 2000), где были выявлены и охарактеризованы основные этапы и формы рецепции идей Фихте в русской философии. В монографии присутствуют исследования, посвященные и русским неокантианцам. В частности, В. А. Жучков обрисовал картину противоречивого и неоднозначного восприятия и критики философии Фихте в русском неокантианстве и религиозной философии на рубеже XIX–XX вв. (Жучков, 2000), а В. В. Лазарев предложил тематический обзор статей из юбилейного выпуска журнала «Вопросы философии и психологии», подчеркнув их общую

³ Первой, кто указал на ключевое значение философии Фихте для русского неокантианства, была Н. А. Дмитриева (Дмитриева, 2007, с. 248–249).

interpreting “the science of knowledge” as a teaching on life and freedom, as the philosophical grounding of the Christian idea; Lanz wrote about Fichte’s philosophy in the same vein as “the revolt of morality against theory”, as a philosophy of freedom.

Keywords: Fichte, Neo-Kantianism, irrationality, science of knowledge, Russian Neo-Kantianism

Introduction

At the turn of the nineteenth and twentieth centuries Fichte’s philosophy was one of the key intellectual “hubs” around which Russian Neo-Kantianism developed.³ This was due partly to the influence of German Neo-Kantians who sought to revise Kant’s philosophy along Fichtean lines and partly to the direct interest of Russian Neo-Kantian philosophers in Fichte’s teaching. Russian Neo-Kantianism is an inalienable and organic part of the “Russian Fichteana”. Early attempts to meet the research challenges of the Russian Fichteana and its significance for the development of Russian philosophy were presented in the collective monograph *The Philosophy of Fichte in Russia* edited by Vladimir F. Pustarnakov (2000). This identified and characterised the main stages and forms of the reception of Fichte’s ideas in Russian philosophy. The monograph also contains some studies devoted to Russian Neo-Kantians. Thus, Vladimir A. Zhuchkov (2000) describes the contradictory and ambivalent perception and critique of Fichte’s philosophy in Russian Neo-Kantianism and the religious philosophy at the turn of the nineteenth and twentieth centuries, and Valentin V. Lazarev (2000) presents a thematic review of the articles in the jubilee issue of the journal “Questions of Philosophy and Psy-

³ The first to point out the key significance of Fichte’s philosophy for Russian Neo-Kantianism was Nina A. Dmitrieva (2007, pp. 248–249).

ориентированность на практическую философию Фихте (Лазарев, 2000). Осмыслению фихтеанства в России посвящена также монография Лазарева, отдельные главы которой освещают трактовки фихтевских идей русскими неокантианцами (Лазарев, 2006). Своего рода попыткой развития этих направлений исследования можно считать доклады В. А. Абасникова (Abaschnik, 2013), В. О. Кроткова (Krotkow, 2013) и в особенности А. А. Иваненко (Ivanenko, 2013), прочитанные в 2006 г. на Международном Фихтевском конгрессе в Галле-на-Зале, а также статьи А. А. Ермичева (Ермичев, 2004; 2012) и А. Г. Ломоносова (Ломоносов, 2012).

Однако вопрос о влиянии философии Фихте на становление собственных философских проектов русских неокантианцев, о ее методологической роли для исследований «в духе Канта» в России остается малоизученным. В данной статье я хотел бы остановиться на рассмотрении текстов трех русских неокантианцев — Б. П. Вышеславцева, Б. В. Яковенко и Г. Э. Ланца, что предполагает выяснение того, какие фихтеанские идеи были рецептированы этими философами и как они были интерпретированы, а также — в чем заключается методологическая роль этих идей в оригинальных философских построениях русских неокантианцев. Указанные философы будут рассматриваться не только и не столько как представители «русской фихтеаны», а в первую очередь как представители русского неокантианства. В процессе исследования будет показано, на какие именно неокантианские черты их проектов оказал влияние Фихте, что позволит вписать эти проекты в общий неокантианский контекст эпохи.

Б. П. Вышеславцев: Фихте как этический идеалист

Одним из наиболее развернутых и систематических исследований философии Фихте в России начала XX в. стала диссертация Бори-

chology" (*Voprosy filosofii i psikhologii*), stressing their general orientation toward Fichte's practical philosophy. Lazarev's monograph devoted to Fichteanism in Russia also has some chapters on the interpretation of Fichtean ideas by Russian Neo-Kantians (Lazarev, 2006). In a way these strands of research are pursued in the papers by Vladimir A. Abaschnik (2013), Vladimir O. Krotkow (2013) and especially Anton A. Ivanenko (2013), delivered in 2006 at the International Fichte Congress in Halle an der Saale and the articles by Aleksandr A. Yermichev (2004; 2012) and Aleksandr G. Lomonosov (2012).

Even so, the question of the influence of Fichte on the development of indigenous philosophical projects of Russian Neo-Kantians and its methodological role for Russian studies "in the Kantian spirit" is little studied. In this article I focus on three Russian Neo-Kantians, Boris P. Vysheslavtsev, Boris V. Yakovenko and Heinrich (Henry) E. Lanz. I try to identify which of the Fichtean ideas were taken on board by these philosophers and how they were interpreted, as well as considering the methodological role of these ideas in the original constructions of Russian Neo-Kantians. I look at these philosophers not solely or largely as representatives of the "Russian Fichteanism" but above all as representatives of Russian Neo-Kantianism. I show which Neo-Kantian features of their projects were influenced by Fichte, and why this warrants putting these projects in the overall Neo-Kantian context of the era.

Boris Vysheslavtsev: Fichte as an Ethical Idealist

One of the most extended and systemic studies of Fichte's philosophy in Russia in the early twentieth century was the dissertation of Boris P. Vysheslavtsev (1877–1954) *The Ethics of Fichte. The Principles of Law and Morality in the*

са Петровича Вышеславцева (1877–1954) «Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии» (1914)⁴. Яковенко указывает, что преимущественное внимание Вышеславцева обращено, несмотря на название, к теоретической философии позднего Фихте, а ее интерпретация имеет неокантианские черты:

...автор переполняет... свою книгу экскурсами в современную философию, тем самым затушевывая исторический момент и выдвигая — подобно марбургской школе — момент систематический, что отнюдь не может содействовать объективности проникновения в философию Фихте и во всяком случае только усложняет и без того уже сложную и запутанную задачу ее адекватного изложения и истолкования (Яковенко, 2004а, с. 320).

Действительно, Вышеславцев анализирует философию Фихте в постоянном соотношении с неокантианскими системами. Так, например, он показывает, что Фихте задолго до неокантианцев и успешнее, чем они, смог освободить трансцендентальную философию от психологизма, а высшим достижением Фихте он считает его онтологическое истолкование этики и внимание к проблеме иррациональности. Кроме того, русский философ подробно анализирует философские учения неокантианцев Г. Риккерта и Э. Ласка⁵ и показывает, что они являются органичным продолжением и расширением фихтеанского проекта.

План Вышеславцева следующий: раскрыть сущность трансцендентального метода у Фихте, показать, как благодаря ему тот преодолевает субъективный идеализм Канта⁶ и как при-

System of Transcendental Philosophy (1914).⁴ As pointed out by Yakovenko, in spite of its title the dissertation is primarily concerned with the theoretical philosophy of the later Fichte and its interpretation reveals some Neo-Kantian features:

[...] the author oversaturates [...] his book with forays into contemporary philosophy, thus obscuring the historical aspect and giving prominence — like the Marburg school — to the systemic aspect, which is not conducive to objective assessment of Fichte's philosophy and in any case further complicates the already complicated and involved task of its adequate presentation and interpretation [...] (Yakovenko, 2004a, p. 320).

Indeed, Vysheslavitsev constantly compares Fichte's philosophy with Neo-Kantian systems. For example, he shows that Fichte, long before Neo-Kantians and more successfully, managed to detach transcendental philosophy from psychologism, considering Fichte's main achievement to be the ontological interpretation of ethics and attention to the problem of irrationality. He also gives a detailed analysis of the philosophical teachings of the Neo-Kantians Heinrich Rickert and Emil Lask,⁵ demonstrating that they organically continued and developed the Fichtean project.

Vysheslavitsev's purport is as follows: to reveal the essence of Fichte's transcendental method, thus enabling him to overcome Kant's subjective idealism⁶ and show how he moves

⁴ Фихте была посвящена также его пробная лекция, прочитанная в Московском университете после сдачи магистерских экзаменов (Вышеславцев, 1908).

⁵ Подробнее о влиянии философии Фихте на учения немецких неокантианцев см.: (Корнилаев, 2019, с. 137–138; 2022).

⁶ Вышеславцев называет философию Канта субъективным идеализмом: «Кант везде субъективно-идеалистичен, тогда как Фихте преодолевает субъективный идеализм и преодолевает прежде всего в этике и ради этики» (Вышеславцев, 1914, с. XVII).

⁴ His inaugural lecture delivered at Moscow University after passing his magisterial exams was also devoted to Fichte (Vysheslavitsev, 1908).

⁵ For more on the influence of Fichte's philosophy on German Neo-Kantians see Kornilaev (2019, pp. 137-138; 2022).

⁶ Vysheslavitsev (1914, p. XVII) describes Kant's philosophy as subjective idealism: "Kant is a *subjective idealist* everywhere, whereas Fichte overcomes subjective idealism and does so especially in ethics and for the sake of ethics."

ходит к трансцендентальному обоснованию свободы, устанавливающей фундамент хозяйства, права и государства.

С точки зрения русского философа, ошибочно представлять философию Фихте как «выводящую все из я», дедуцирующую «весь неисчерпаемо-разнообразный эмпирический мир из единого принципа, из я» (Вышеславцев, 1914, с. 3): субъективизм характерен только для раннего этапа творчества Фихте, в поздний период он теряет свое доминирование. Философия Фихте — не субъективный, а «конкретный идеализм», который встраивается Вышеславцевым в «древний могучий поток истинного идеализма, не иссякший со времен Платона до наших дней. И русский идеализм Вл. Соловьева и кн. С. Н. Трубецкого есть именно такой идеализм» (Там же, с. 338).

Задача философии, согласно Фихте, заключается в поиске основания всякого опыта, определяемого как «система представлений, сопровождающихся чувством необходимости» (Фихте, 1993б, с. 449). Подобная формулировка особенно точно отражает сущность трансцендентального метода у Фихте, считает Вышеславцев, так как показывает связь внеопытного основания и опытного обоснованного (Вышеславцев, 1914, с. 6). Трансцендентальный метод — это «выход за пределы факта» (Там же, с. 31). С развитием мысли Фихте противоположность *a posteriori* и *a priori* трансформируется соответственно в оппозиции «данное» и «созидание», «бытие» и «свобода», «факт» и «генезис» и др. Связующим звеном двух противоположностей является долженствование *Soll*, «если — то должно»: раз существует факт, то должно быть его основание. «...В *Soll* сосредоточены все моменты трансцендентального метода: оно исходит из факта, из “полной внешней безосновности” (*völlige äußere Grundlosigkeit*), из найденного; признает это найденное проблематическим, случайным, “лишь возможным и притом возможным под некоторым условием, которое еще отыскивается”, и требует отыска-

forward to the transcendental grounding of freedom, which forms the foundation of economics, law and state.

From the Russian philosopher's point of view, it is a mistake to see Fichte's philosophy as “deriving everything from the I”, deducing “the whole inexhaustibly diverse empirical world from a single principle, from the I” (Vysheslavtsev, 1914, p. 3): subjectivism is a feature only of the early Fichte and ceases to be dominant in the later Fichte. Fichte's philosophy is not subjective but “concrete idealism” which Vysheslavtsev sees as part of “the ancient powerful stream of true idealism which has not run dry since Plato to our own day. Such is the Russian idealism of Vladimir S. Solovyov and Prince Sergey N. Trubetskoy” (*ibid.*, p. 338).

According to Fichte, philosophy's task is to look for the foundation of all experience defined as “a system of representations accompanied by a sense of necessity” (Fichte, 1993b, p. 449). Vysheslavtsev (1914, p. 6) believes that this formula pinpoints the link between non-experiential and experiential grounding. The transcendental method is “exit beyond fact” (*ibid.*, p. 31). As Fichte's thought develops, the opposition of *a posteriori* and *a priori* transforms itself into the opposition of “the given” and “created,” “being” and “freedom”, “freedom,” “fact” and “genesis”, etc. The link between the two opposites is the ought, *Soll*, “if — then must”: if there is a fact there must be a ground for it. “[...] *Soll* concentrates all the aspects of the transcendental method: it proceeds from fact, from ‘total lack of external grounding’ (*völlige äußere Grundlosigkeit*), from what is found; it recognises what is found as problematic, accidental, ‘merely possible and then possible under a certain condition which

ния условий, или генезиса факта» (Там же, с. 22).

Одной из самых плодотворных идей Фихте Вышеславцев считает понимание проблемы иррационального. Опытная данность, требующая обоснования, трактуется как сфера иррационального и случайного. «Действительный мир нам дан, но как проблема» (Там же, с. 37), причем такая проблема, которую никак и никогда невозможно решить до конца. Претензию философов на абсолютное знание Вышеславцев называет догматизмом: «почти ни один великий философ не избежал соблазна считать свою систему за решение мировой загадки» (Там же, с. 115). Не избежал этого соблазна и Фихте на раннем этапе творчества, когда дедуцировал весь опыт из возможности самосознания. Вышеславцев, приводя цитату из «Основы естественного права» Фихте: «Трансцендентальный философ должен допустить, что все, что есть, может существовать только для некоторого Я, а то, что должно существовать для Я, может быть только через Я» (Фихте, 2014, с. 26), говорит, что это «наихудшее течение в философии Фихте, наибольшее отклонение в сторону догматизма! В таком освещении мы получаем яркий образец “дурной метафизики”» (Вышеславцев, 1914, с. 118)⁷. Подобный догматизм, с точки зрения русского философа, привел к ошибочным субъективистским трактовкам учения Фихте, например у Рилиа и Когена, в то время как это только отклонение от основного пути, состоящего «в преодолении догматического рационализма» (Там же, с. 119) и разрешении антиномии бесконечности познания и желания привести его в единую систему. Философия Фихте является философией бесконечного прогресса познания, в основе которой — кантовское учение об идее как бесконечной задаче. Такой бесконечной задачей познания Вышеславцев считает фихтевское Я. «Не тог-

is being searched for’ and which makes it necessary to find the conditions, or the genesis of the fact” (*ibid.*, p. 22).

Vysheslavitsev considers Fichte’s interpretation of the problem of the irrational to be one of his most fruitful ideas. He interprets the givenness in experience that calls for a grounding as the sphere of the irrational and the accidental. “The real world is *given*, but given as a *problem*” (*ibid.*, p. 37), a problem that can never be solved to the end. Vysheslavitsev dismisses the claim of philosophers to absolute knowledge as dogmatism: “[...] there is hardly a philosopher who has not yielded to the temptation of considering his own system to be a solution to the world’s enigma” (*ibid.*, p. 115). This is true of the early Fichte who deduced all experience from the possibility of self-consciousness. Vysheslavitsev, quoting Fichte’s *Foundation of Natural Right*: “The transcendental philosopher must allow that everything that is can exist only *for* some I and what must exist for I can only be *through* an I” (Fichte, 2014, p. 26), says that this is “the worst strand in Fichte’s philosophy, the biggest deviation toward dogmatism. This is a vivid example of ‘bad metaphysics’” (Vysheslavitsev, 1914, p. 118).⁷ Such dogmatism, the Russian philosopher believes, has led to mistaken subjectivist interpretations of Fichte’s teaching, for example, by Riehl and Cohen, whereas it is merely a deviation from the main path which consists in “*overcoming dogmatic rationalism*” (*ibid.*, p. 119) and resolution of the antinomy of endless cognition and the wish to pack everything in a single system. Fichte’s philosophy is a philosophy of infinite progress of cognition which is grounded on the Kantian teaching on the endless task. Vysheslavitsev considers Fichte’s “I”

⁷ Ср. у Фихте: «В критической системе вещь есть то, что полагается в Я; в догматической же системе она представляет собою то, в чем полагается само Я» (Фихте, 1993а, с. 105).

⁷ Cf. Fichte (2021, p. 222): “In the Critical philosophy, a thing is what is posited by the I; in dogmatic philosophy a thing is that within which the I itself is posited.”

да он преодолевает догматизм, когда спинозовскую субстанцию заменяет субъектом... а тогда, когда признает субъект, самосознание — бесконечной задачей, идеей» (Там же, с. 126).

С точки зрения русского философа, эта мысль содержит ключевые следствия для практической философии. Философия Фихте — это в первую очередь этический идеализм. Идея Я как бесконечной задачи становится идеей идей: «...идея я подобна платонову солнцу добра как центру всего, но и по содержанию она прямо приравнивается к *идее добра*», «весь мир идей концентрируется для него в этической идее, все задачи ведут к одной и решаются в одной — в бесконечной задаче истинно-добраго» (Там же, с. 128). Предмет идеи у Фихте есть нечто, что должно быть, а область должного — область практического разума. Таким образом, если в основе сущего лежит идея, то это значит, что в основе сущего лежит должное, и если этой идеей будет идея Я, то это будет должное Я, должное самосознание. Идея Я у Фихте становится бесконечным моральным идеалом. «Познание есть бесконечная задача; нравственное действие есть бесконечная задача. В основе всего лежит вечное созидание, движение к бесконечной цели» (Там же, с. 156). Вышеславцев считает, что бесконечное движение к идеалу есть для Фихте святая бесконечность, а не дурная, так как связана с бесконечным созиданием. «Хоровод небесных сфер не есть однообразное круговращение... всюду жизнь и *“развитие”* в светлых источниках бытия, *“новая жизнь и новая любовь”*» (Там же, с. 157).

Этическая идея у Фихте должна быть соединена, по мнению Вышеславцева, с идеей актуальной бесконечности. Опираясь на терминологию Г. Кантора, Вышеславцев показывает, что актуальная бесконечность — это математический символ Абсолюта. С точки зрения Вышеславцева, Фихте не хватило именно этого математического понятия. Система бытия у Фихте сохраняет, таким образом, свой телеологиче-

to be such an endless task of cognition. “He does not overcome dogmatism when he replaces Spinoza’s substance with the subject [...] he does so when he considers the subject, self-consciousness to be an endless task, idea” (*ibid.*, p. 126).

According to Vysheslavitsev, this idea has far-reaching consequences for practical philosophy. Fichte’s philosophy is above all ethical idealism. The idea of the I as an endless task is paramount: “[...] the *idea of I* is like Plato’s sun of goodness as the centre of everything, but its content is equated to the *idea of good*”, “the whole world of ideas is concentrated for him in the ethical idea, all the tasks lead to a single idea and are resolved in the single task of the truly good” (*ibid.*, p. 128). For Fichte, the object is something that ought to be, and the sphere of the ought is the sphere of practical reason. Thus, if what is is based on the idea, it means that what exists is based on what ought to be, and if the idea is I it would be the I that ought to be, self-consciousness that ought to be. With Fichte, the idea becomes an infinite moral ideal. “Cognition is an endless task; moral action is an endless task. Eternal creation, movement to an infinite goal is the basis of everything” (*ibid.*, p. 156). Vysheslavitsev considers endless movement toward the ideal to be a sacred and not a bad duty because it involves endless creation. “The round dance of the heavenly spheres is not monotonous circling [...] everywhere life and *‘development’* are in the bright sources of being, *‘new life and new love’*” (*ibid.*, p. 157).

In Vysheslavitsev’s opinion, Fichte’s ethical idea should be married to the idea of actual infinity. In Georg Cantor’s terminology, actual infinity is the mathematical symbol of the Absolute. This is the concept Vysheslavitsev believes Fichte missed. With Fichte, then, the system of being remains based on the tel-

ский принцип — бесконечное долженствование, и весь мир является примером актуальной бесконечности. Жизнь в абсолютном, переживание единства с ним есть любовь. «Любовь есть иррациональное единство Бога и человека», любовь — «аффект бытия» (Там же, с. 203). Благодаря этому «аффекту» идея добра распространяется на всех людей всех времен. «...Территорией ее царства и сроком ее правления будет *актуальная бесконечность*» (Там же, с. 209).

Еще одной особенностью интерпретации Вышеславцевым философии Фихте является указание на необходимость более углубленной реализации диалектического компонента. Абсолютное — единство двух пар: субъекта и объекта, рационального и иррационального. Решение проблемы соотношения субъекта и объекта Вышеславцев видит в единстве противоположностей. Диалектическая связь субъекта и объекта возможна через то же понятие актуальной бесконечности. Познание, как правило, основывается на противопоставлении субъекта и объекта и последующем приведении представлений субъекта посредством разума в соответствие с явлениями объекта. Вышеславцев утверждает, что единство субъекта и объекта имеет место как на допознавательном этапе познания, так и в результате познания: «В непонятном иррациональном, беспредельном они тождественны, ибо остаются неопределенными, недифференцированными; в понятном, завершено-рациональном — они тождественны, ибо составляют модификацию единого, истинно-сущего» (Там же, с. 257). Субъект всегда пребывает в актуальной бесконечности объекта и, следовательно, всегда в нем и тождественен ему. Установка на диалектическое единство субъекта и объекта проходит, с точки зрения Вышеславцева, через всю систему философии Фихте: «...в строении мрамор принимает форму субъективных образов художника, в этическом действии объективный мир принимает форму желанной цели» (Там же, с. 260). Диалектическое единство наблюдается и в музыкальной эстетике:

eological principle, i.e. endless oughtness, and the whole world is an example of actual infinity. Life in the absolute, the experience of unity with it is love. “Love is an irrational unity of God and human being”, love is “an affect of being” (*ibid.*, p. 203). Thanks to this “affect” the idea of good spreads to all people at all times. “The territory of its domain and the time of its reign is *actual infinity*” (*ibid.*, p. 209).

Another feature of Vysheslavtsev’s interpretation of Fichte’s philosophy is his emphasis on the need for a deeper implementation of the dialectical component. The absolute is a unity of two pairs: subject and object, the rational and the irrational. The subject and object problem, Vysheslavtsev argues, is the unity of opposites. The dialectical connection between subject and object can be effected through the same concept of actual infinity. Cognition is, as a rule, based on contrasting subject and object, followed by reason bringing the subject’s representations in line with the manifestations of the object. Vysheslavtsev claims that the unity of subject and object exists at the pre-cognitive stage as well being a result of cognition: “in the bewildering irrational and infinitude they are identical for they remain indeterminate, undifferentiated; in the understandable, completely rational they are identical for they are a modification of the single, the truly existing” (*ibid.*, p. 257). The subject always resides in the actual infinity of the object and consequently is always within it and identical to it. The idea of dialectical unity of subject and object, according to Vysheslavtsev, runs through the whole system of Fichte’s philosophy: “[...] in a building marble assumes the form of the artist’s subjective images, in an ethical act the objective world takes the shape of the coveted goal” (*ibid.*, p. 260). One observes dialectical unity in musical aesthetics:

Что я слушаю в музыке? Мою, мною сотканную гармонию звуков, или таинственную гармонию бытия? Ни то, ни другое, потому что и то, и другое: в гармонии бытия я узнаю свою гармонию, в своей гармонии я переживаю гармонию бытия. Здесь, и быть может только здесь, я и не я, мое и не мое сливаются всецело. В созерцании красоты звездного неба, в услышанной гармонии небесных сфер исчезает раздвоенность духа и природы (Там же, с. 261–262).

Идея актуальной бесконечности, выявленная в учении Фихте, позволяет Вышеславцеву обосновать возможность свободы. Соотнося закон целесообразности и закон причинности, Вышеславцев противопоставляет этику свободы и этику натурализма. Как возможно свободное действие в мире опыта, если все в нем причинно обусловлено? Свободное действие возможно, так как есть условие возможности свободы. Природная необходимость не есть действие, но и не есть его уничтожение, она есть условие его возможности. Если так, то гипотеза свободы не безумна. «Свободная и целесообразная деятельность не отрицает причинности, а содержит ее в себе как условие своей возможности» (Там же, с. 291). Высший принцип этики — актуально бесконечная система взаимодействия свободно-разумных индивидуальностей, а хозяйство, право и государство — условия конкретного воплощения в мире общины свободных существ. Фихте вpleтает государство в систему универсальной этики⁸ и в конце концов в систему всякого бытия вообще. Высшей его ступенью для Вышеславцева будет конкретная система индивидуальностей «как живая риза Божества, как образ и подобие Божье» (Там же, с. 437).

⁸ В более ранней статье «Право и мораль» Вышеславцев анализирует и критикует этико-правовую концепцию позднего Фихте, но в итоге присоединяется к его позиции, заключающейся в «морализации права» (Wisheslavzeff, 1912), хотя и с известными оговорками, как это показывает в своей реконструкции полемики Вышеславцева с Фихте, а также Наторпа с Вышеславцевым Ю. Штольценберг (Штольценберг, 2010; Stolzenberg, 2024).

What do I hear in music? The harmony of sounds woven by *myself* or the mysterious harmony of being? *Neither one nor the other* because it is *both*: in the harmony of being I recognize my own harmony and in my own harmony I experience the harmony of being. Here, perhaps only here, *I* and non-*I* merge into one. In watching the beauty of the starry sky, in hearing the harmony of the spheres the duality of spirit and nature disappears (*ibid.*, pp. 261-262).

The idea of actual infinity which Vysheslavtsev finds in Fichte's doctrine enables him to ground the possibility of freedom. Conjoining the law of purposiveness and the law of causality, Vysheslavtsev contrasts the ethics of freedom and the ethics of naturalism. How is free action possible in the world of experience where everything is causally conditioned? Free action is possible because of the possibility of freedom. Natural necessity is not an act, but neither is it impossible, it is the condition of its possibility. If so, the hypothesis of freedom is not insane. "Free and purposive activity does not negate causality, but contains it within itself as the condition of its possibility" (*ibid.*, p. 291). The highest principle of ethics is the actually infinite system of interaction among freely reasonable individuals and economics, law and the state are conditions of their concrete embodiment in a community of free individuals. Fichte weaves the state into the system of universal ethics⁸ and ultimately into the system of any being in general. For Vysheslavtsev its highest stage would be a concrete system of individuals "as a living vestment of Divinity, as an image and likeness of God" (*ibid.*, p. 437).

⁸ In an earlier article "Right and Morality" ("Recht und Moral") Vysheslavtsev analyses and critiques the ethical-legal concept of the later Fichte, but ends up agreeing with his position that "moralises right" (Wisheslavzeff, 1912), albeit with known reservations, as witnessed by Stolzenberg's reconstruction of his polemic with Fichte as well as Natorp's polemic with Vysheslavtsev (Stolzenberg, 2010; 2024).

Оригинальность интерпретации Вышеславцевым философского пути Фихте заключается в его попытке достроить философскую систему немецкого философа. Необходимым шагом для логического завершения системы Фихте Вышеславцеву представляется прояснение понятия актуальной бесконечности, которое у самого немецкого философа присутствует, но неявно. Вышеславцев, с одной стороны, показывает узость точки зрения, трактующей философию Фихте как субъективный идеализм, с другой — демонстрирует ее онтологические возможности, заключающиеся в устранении крайних объективистских и крайних субъективистских трактовок субъект-объектного отношения.

Б. В. Яковенко:

Фихте как критический идеалист

Среди работ русских философов, посвященных философской классической мысли, в начале XX в. особое место занимали сочинения Бориса Валентиновича Яковенко (1884—1949), в числе которых биография Фихте (1916), многочисленные переводы его работ, а также четыре статьи 1914 г., приуроченные к столетию со дня смерти немецкого философа: три текста общего характера («Иоганн Готлиб Фихте», «Иоганн Готлиб Фихте (к столетию со дня его смерти)», «Основная идея теоретической философии И. Г. Фихте») и один — систематического («Наукоучение (опыт историко-систематического исследования)»). В совокупности данные тексты формируют оригинальную историко-философскую позицию Яковенко в оценке учения Фихте⁹.

Общий тон восприятия русским философом личности и философии Фихте хорошо отражен в его речи «Основная идея теоретической

⁹ Значительное количество работ Яковенко о Фихте побуждали исследователей к обобщению его позиции См., например, (Жучков, 2000; Лазарев, 2000; Ермичев, 2000; 2004; Ломоносов, 2012).

The originality of Vysheslavtsev's interpretation of Fichte's philosophical path is in his attempt to complete the German philosopher's philosophical system. He believes that a necessary step toward that end is clarification of the concept of actual infinity which Fichte implies. Vysheslavtsev, on the one hand, reveals the narrowness of the view which interprets Fichte's philosophy as subjective idealism and, on the other hand, demonstrates its ontological potential because it dispenses with extreme objectivist and extreme subjectivist interpretations of the subject-object relationship.

Boris Yakovenko:

Fichte as a Critical Idealist

In the early twentieth century prominent among the works of Russian philosophers devoted to classical philosophical thought were the works of Boris V. Yakovenko (1884 — 1949), including a biography of Fichte (1916), numerous translations of his works as well as four 1914 articles timed for the centenary of Fichte's death: three texts of a general character — "Johann Gottlieb Fichte", "Johann Gottlieb Fichte (on the Centenary of His Death)", "The Main Idea of the Theoretical Philosophy of J. G. Fichte" — and one systematic text "The Science of Knowledge (Attempt at a Historical-Systematic Study)". Together, these texts constitute an original historical-philosophical position in assessing Fichte's doctrine.⁹

The general tone of Yakovenko's perception of the personality and philosophy of Fichte is well reflected in his speech, "The Main Idea

⁹ The sheer number of Yakovenko's works about Fichte prompted researchers to react to his position. See, for example, Zhuchkov (2000), Lazarev (2000), Yermichev (2000; 2004) and Lomonosov (2012).

философии И. Г. Фихте», прочитанной в 1914 г. на торжественном заседании Московского психологического общества, посвященном памяти Фихте. Яковенко ставит его философию в полную зависимость от его личности, повторяя в данном случае мысль самого Фихте¹⁰. Фихте для Яковенко олицетворяет единство человека и философского учения по аналогии с Сократом¹¹. Еще более сильным по своему пафосу утверждением русского философа является установление связи между Сократом, Христом и Фихте:

Ибо действительно Фихте дал философски-систематическое изложение тому, что у Сократа и переживалось и было дано в виде философского диалога, философской майевтики, а у Христа вылилось в проповедь действительного преобразования души человека и человечества. *Наукоучение Фихте есть метафизическая разработка христианского убеждения в действительности истины и в истинности подлинного действия. Наукоучение Фихте есть первое подлинно спекулятивное обоснование христианской идеи* (Яковенко, 2004б, с. 205 — 206).

В своем историко-систематическом исследовании системы Фихте Яковенко дает подробный обзор четырех «начертаний» наукоучения¹². Недостаток современных ему исследований по философии Фихте русский философ видел в необоснованно повышенном внимании к первому периоду творчества не-

of the Theoretical Philosophy of J. G. Fichte", delivered in 1914 at a session of the Moscow Psychological Society in memory of Fichte. Yakovenko attributes his philosophy totally to his personality, as did Fichte himself.¹⁰ For Yakovenko, Fichte embodies the unity of a human being and his philosophical teaching by analogy with Socrates.¹¹ In a still more powerful statement the Russian philosopher likens Socrates, Christ and Fichte:

For Fichte did indeed present in a philosophically systematic way what Socrates experienced and presented in the form of a philosophical dialogue, philosophical maieutics and by Christ in the preaching of active transformation of the soul of the human being and humanity. *Fichte's science of knowledge is a metaphysical elaboration of the Christian conviction that the truth is effective and genuine action is true. Fichte's science of knowledge is the first truly speculative grounding of the Christian idea* (Yakovenko, 2004b, pp. 205-206).

In his historical-systematic study of Fichte's system Yakovenko dwells on four versions of the science of knowledge.¹² He considers it to be a shortcoming of contemporary studies of Fichte's philosophy that they pay an undue share of attention to the first period of Fichte's work and see the second period as a departure

¹⁰ «Какую кто философию выберет, зависит поэтому от того, какой кто человек, ибо философская система — не мертвая утварь, которую можно было бы откладывать или брать по желанию; она одушевлена душой человека, обладающего ею. Дряблый от природы или расслабленный и искривленный духовным рабством, ученой роскошью или тщеславием характер никогда не возвысится до идеализма» (Фихте, 1993б, с. 460).

¹¹ Сравнение Фихте с Сократом встречается и у Ланца (Ланц, 1914б, с. 84).

¹² Яковенко выбирает из многочисленных вариантов и доработок проекта Фихте «Наукоучения» 1794, 1801, 1804 гг. В первое «начертание» Яковенко включает «Собственные размышления об элементарной философии» и «Практическую философию» (1793/1794). Подробнее см.: (Лазарев, 2000, с. 272 — 273).

¹⁰ Cf. "What sort of philosophy one chooses depends, therefore, on what sort of man one is; for a philosophical system is not a dead piece of furniture that we can reject or accept as we wish; it is rather a thing animated by the soul of the person who holds it. A person indolent by nature or dulled and distorted by mental servitude, learned luxury and vanity will never raise himself to the level of idealism" (Fichte, 1982, p. 16).

¹¹ Lanz (1914b, p. 84) also compared Fichte to Socrates.

¹² Yakovenko chooses from among the many variants of and additions to Fichte's "Science of Knowledge" project of 1794, 1801 and 1804. He includes in the first version "My Own Thoughts about Elementary Philosophy" and "Practical Philosophy" (1793/1794). For more detail see Lazarev (2000, pp. 272-273).

мецкого философа и трактовке второго периода как отхода от первоначального проекта. Яковенко с этим категорически не соглашается и в своем подробном обзоре четырех вариантов наукоучения стремится показать неразрывность двух периодов творчества Фихте, условность этого деления, сложившегося в историографии: «...гипотеза о двух периодах должна быть оставлена, и на ее место должно быть поставлено какое-нибудь другое толкование, обеспечивающее за Фихте единство учения» (Яковенко, 2004а, с. 348). По мнению Яковенко, в зрелом периоде у Фихте не появляется никакого нового учения (Там же, с. 322), имеется «только более корректное и тонкое (с одной определенной стороны) изложение тех же самых идей...» (Там же, с. 350)¹³.

Проанализировав хронологически высказывания самого Фихте о наукоучении в переписке и в других сочинениях, Яковенко делает вывод: «...свое первое выступление Фихте считал с самого же начала только предварительным и незаконченным наброском наукоучения. Затем он старался его развить и дополнить и со стороны формы, и со стороны содержания. Но после долгих стараний и усовершенствований... он все же должен был вернуться к своему первому изложению наукоучения и признать его лучшим и адекватнейшим» (Там же, с. 331). Русский философ подробно демонстрирует содержательную преемственность четырех изложений наукоучения, указывая на единство ме-

from the initial project. Yakovenko categorically rejects this view and in his detailed review of the four variants of the science of knowledge seeks to demonstrate that the two periods of Fichte's work are inseparable and that this division has been artificially created in historiography: "[...] the hypothesis of two periods must be abandoned and replaced by some other interpretation which secures the unity of Fichte's doctrine" (Yakovenko, 2004a, p. 348). Yakovenko maintains that Fichte's mature period did not produce any new teaching (*ibid.*, p. 322), all that it saw was "a more correct and nuanced exposition of the same thoughts" (*ibid.*, p. 350).¹³

After analysing chronologically Fichte's own pronouncements about the science of knowledge in his letters and other works, Yakovenko concludes: "[...] Fichte from the outset considered his first speech to be a tentative and incomplete sketch of the science of knowledge. He then tried to develop and complete it in terms of form and content. But after prolonged exertions and improvements [...] he had to go back to the first presentation of the science of knowledge and recognise it as the best and most adequate" (*ibid.*, p. 331). Yakovenko demonstrates in detail the continuity of the four versions of the science of knowledge, pointing out the oneness of the method, object and tasks of the philosophical teaching, the similar-

¹³ Объединительную позицию Яковенко в отношении периодизации философии Фихте критикует В. А. Жучков, называя эту идею «крамольной», «чрезмерно сильной и односторонне спрямляющей ее внутренне-противоречивый характер»: «...попытка полного и безболезненного примирения или объединения различных периодов творчества Фихте осуществима только при условии определенного истолкования, уяснения неоднозначного и двойственного содержания каждого из них и предпочтительно выбора одного из них. Яковенко в своей попытке доказательства единства раннего и позднего периодов принимает за основу именно второй, оставляя, однако, недостаточно определенным... понимание этого последнего периода» (Жучков, 2000, с. 225 – 226).

¹³ Yakovenko's unifying position concerning the periodisation of Fichte's philosophy is criticised by V.A. Zhuchkov (2000, pp. 225-226) who calls it "seditious", "too strong and one-sidedly straightening its inwardly contradictory character": "[...] an attempt at total and painless reconciliation or unification of different periods in Fichte's work can only succeed on condition of a certain interpretation and recognition of the ambivalent content of each of them and a choice of one of them. In his attempt to prove the unity of the early and later periods Yakovenko accepts the second period but leaves this latter period insufficiently clear [...]".

тогда, предмета и задач философского учения, схожесть внутреннего и внешнего построения, а также единство ключевых понятий, таких как «реальность», «Бог», «Я», «бытие» и др. Например, говоря о понятии Я, Яковенко убедительно показывает, что ранний этап творчества Фихте нельзя понимать как выведение всего познания из самосознания Я, а поздний — как устранение сознания. «Отмена сознания» в поздний период оказывается номинальной и не разрушает структуру трех видов Я раннего периода. Абсолютное, теоретическое и практическое Я из ранних изложений, с точки зрения Яковенко, фигурируют и в поздних изложениях, но в иных формах: абсолютное Я под видом либо абсолютной формы познания, либо абсолютного знания; теоретическое Я под видом либо свободы, либо сознания, коррелятивных бытию; практическое Я «в качестве того должествования, которое создает знанию существование, а тем самым сообщает бесконечность его свершению и построению» (Там же, с. 345). Устранение сознания, отход от терминологии Я в поздний период, считает русский философ, наоборот, сглаживает противоречия раннего периода и подкрепляет генетическое понимание отношения бытия и сознания. Таким образом, наукоучение во всех вариациях остается, с точки зрения Яковенко, учением о сверхчеловеческом знании, «созерцательной диалектикой» (Там же, с. 337), «абсолютным генезисом или абсолютной конструкцией знания[,] или содержания сознания» (Там же, с. 339).

Можно выделить две темы в собственных теоретических размышлениях Яковенко, где прослеживается влияние идей Фихте¹⁴: в определении сущности философского познания и в концепции плюралистической онтологии. Ярким примером раскрытия обеих тем является

ity of the inner and external structure as well as the similarity of key concepts such as “reality”, “God”, “the I”, “being” etc. For example, speaking about the concept of I, Yakovenko shows convincingly that it is wrong to see the early period of Fichte’s work as deriving all knowledge from the self-consciousness of the I and the later period as eliminating consciousness. “The cancelation of consciousness” in the later period turns out to be nominal and does not destroy the structure of the three types of I in the earlier versions, but in other forms: the absolute I in the guise of the absolute form of cognition, or absolute knowledge; the theoretical I in the guise of freedom, or consciousness correlating with being; the practical I “as the ought which gives knowledge existence and thereby confers infinitude on its exercise and structure” (*ibid.*, p. 345). In the Russian philosopher’s opinion, elimination of consciousness and departure from the I terminology in the later period actually smooths over the contradictions of the early period and bolsters the genetic interpretation of being and consciousness. Thus, Yakovenko maintains, the science of knowledge in all its versions remains a teaching on superhuman knowledge, “contemplative dialectics” (*ibid.*, p. 337), “absolute genesis or absolute construction of knowledge[,] or content of consciousness” (*ibid.*, p. 339).

Two themes in Yakovenko’s own theoretical reflections reveal the influence of Fichte:¹⁴ the definition of the essence of philosophical knowledge and the concept of pluralistic ontology. A vivid example of the treatment of both themes is his article “The Path of Philo-

¹⁴ На многие сходные черты Фихте и Яковенко указывает А. А. Ермичев: «Оба они — гносеологи; оба они — имманентисты и трансценденталисты, а в опознании первопринципа руководствуются интеллектуальной интуицией» (Ермичев, 2004, с. 28).

¹⁴ A. A. Yermichev (2004, p. 28) points to similarities between Fichte and Yakovenko: “Both are epistemologists: both are immanentists and transcendentalists, and in identifying the first principle are guided by intellectual intuition.”

его статья «Путь философского познания» (1914), где обнаруживаются идеи, которые появились и развивались в русле фихтеанской философии. Главной задачей философии, с точки зрения Яковенко, является абсолютное и безусловное (беспредпосылочное) познание сущего. Единственно верный путь предполагает критическую работу, «беспощадное сомнение» (Яковенко, 2000а, с. 256), за которыми следует выявление устойчивых культурных данностей и преодоление субъективизма и объективизма. Философия понимается как «научное переживание» (Там же, с. 248), абсолютное переживание сущего во всей его конкретности, что заметно пересекается с концепцией абсолютного бытия и абсолютного знания в поздней философии Фихте.

Тотальное философское сомнение приводит, по мнению Яковенко, к элиминированию субъекта и выходу к наличности самого сущего, что наблюдается в поздней философии Фихте. Совмещение абсолютного и конкретного, постижение сущего во всем его многообразии возможно, согласно Яковенко, через «разумный мистицизм»: «*Научность* есть сторона философского познания, обращенная критически к субъекту, *непосредственность* есть другая его сторона, обращенная мистически к сущему... “Крестный” путь философского познания есть критический путь от беспредельного сомнения к положительной мистике, есть путь *критико-мистический*» (Там же, с. 260). Разумный мистицизм Яковенко противопоставляет религиозному мистицизму. Религиозная мистика есть отрицательная мистика, она описывает сущее «в терминах “противного”, “не-сущего”, отвергает по отношению к сущему все свойства и качества, так сказать, отрицает само сущее или же не достигает его и при этом расписывается в своем недостижении» (Там же). Мистика критическая, или философская, «отрицательна лишь в пути и совершенно положительна в достижении. В результате перед нею — не символы, слабо намекающие на сущее, а *само сущее* во всей своей непосредственности и властной конкретности» (Там же, с. 261). Религиозная мистика мо-

sophical Knowledge” (1914), which contains ideas that appeared and developed in the mainstream of the Fichtean philosophy. According to Yakovenko, the main task of philosophy is absolute and unconditional (unpremised) cognition of what exists. The only right path is critical work, “merciless doubt” (Yakovenko, 2000a, p. 256), leading to the isolation of cultural givens and the overcoming of subjectivism and objectivism. Philosophy is understood as “scientific experience” (*ibid.*, p. 248), absolute experience of all that exists in all its concreteness, which has clear echoes of the concept of absolute being and absolute knowledge in the philosophy of the later Fichte.

According to Yakovenko, total philosophical doubt eliminates the subject and leads to what exists, which we find in Fichte’s later philosophy. The absolute and the concrete can be combined, he argues, through “reasonable mysticism”: “*Scientificity* is the aspect of philosophical knowledge addressed *critically* to the subject, *immediacy* is its other side addressed *mystically* to what exists [...]. The royal road of philosophical cognition is the critical road from infinite doubt to positive mysticism, the *critical-mystical road*” (*ibid.*, p. 260). Yakovenko contrasts reasonable mysticism to religious mysticism. Religious mysticism is negative mysticism, it describes what exists “in opposite terms, in terms of what does not exist, rejects all the properties and characteristics of what exists, rejects what exists or fails to reach it and admits the failure” (*ibid.*). Critical, or philosophical mysticism “is negative only in the path and is absolutely positive in the achievement. As a result, it deals not with symbols faintly hinting at what exists, but with *what exists itself* in all its immediacy and powerful con-

нистична и ограничена отрицательным указанием на единое сущее, критическая мистика же множественна, и сущее в ней приобретает плюралистическую форму, что выражается в самостоятельности отдельных его сфер: «нравственного, прекрасного, святого, экономического, бытийного и т.п.» (Там же, с. 261–262). Трансцендентально-мистическое постижение сущего, с одной стороны, достигает наличности сущего во всей его множественности и конкретности, а с другой — устраняет субъект-объектную оппозицию в познании. В своей поздней статье «Сущность плюрализма» Яковенко пишет: «Плюрализм обнаруживает себя как беспощадная феноменологическая критика познания, которая полностью уничтожает воздействия и последствия изначального дуалистического предрассудка человеческого мышления. В соответствии с этим в своей теории познания плюрализм выдвигает критическую и рациональную интуицию в качестве единственного существенного источника истины и достоинства философствования (Яковенко, 2000б, с. 291).

Г. Э. Ланц: Фихте как философ имманентизма

Генрих Эрнестович Ланц (1886–1945) посвятил философии Фихте как историко-философские, так и теоретические исследования. До эмиграции в 1917 г.¹⁵ Ланц опубликовал значительное количество статей о Фихте в ведущих русских и немецких философских журналах того времени¹⁶. Некоторые особенности его восприятия философии и личности Фихте в концентрированном виде представлены в статье по случаю юбилея немецкого философа:

...несмотря на эту исключительную объективность, на это принципиальное растворение себя в своем содержании, Фихте и в жизни, и в философии был жрецом религии

¹⁵ Подробнее о биографии Ланца см., например, (Дмитриева, Попова, 2008).

¹⁶ См.: (Ланц, 1914а; 1914б; 1914в; 1914г; Ланц, 1912; 1913).

creteness" (*ibid.*, p. 261). Religious mysticism is monistic and limited to a negative reference to the unified world, whereas critical mysticism is multiple, what exists has pluralistic form manifested in the autonomy of its spheres: "moral, aesthetical, sacred, economic, material, etc." (*ibid.*, pp. 261-262). Transcendental-mystical cognition, on the one hand, reaches out to what exists in all its multiplicity and concreteness and on the other hand eliminates the subject-object opposition in cognition. In his later article "The Essence of Pluralism" Yakovenko (2000b, p. 291) writes: "Pluralism manifests itself in merciless phenomenological critique of cognition which obliterates the impact and consequences of the innate dualistic prejudice of human thinking. Accordingly, in its theory of knowledge pluralism puts forward critical and rational intuition as the only essential source of the truth and dignity of philosophising."

Henry Lanz: Fichte as a Philosopher of Immanentism

Henrich (Henry) E. Lanz (1886–1945) devoted to Fichte both historical-philosophical and theoretical works. Before he emigrated in 1917¹⁵ Lanz published a significant number of articles about Fichte in leading Russian and German philosophical journals of the time.¹⁶ Some features of his perception of Fichte's philosophy and personality are described in a concentrated form in his article written on the occasion of Fichte's jubilee:

[...] in spite of this exceptional objectivity, of being totally dissolved in his content Fichte was, in his life and philosophy, a priest of the

¹⁵ For more biographical details on Lanz see, for example, Dmitrieva ad Popova (2008).

¹⁶ See Lanz (1912; 1913; 1914а; 1914b; 1914c; 1914d).

сознания, идеологом абсолютного субъекта. Но не эмпирический, а чистый и абсолютный субъект, слитый с Богом и его миром, был его религией и основой этики. Он не ценил человека, но всегда, всегда только момент человечества в человеке и, борясь за свободу субъекта, он всегда боролся только за освобождение человечества. И это опять-таки не абстракция, но черта абсолютной конкретности в тенденции, в воле. Ибо человек есть гораздо большая абстракция, чем человечество, и относится к последнему так же, как абстрактный дифференциал к конкретному и реальному интегралу. Свобода этого субстанциального субъекта человечества была его вечным идеалом, и в этом идеале, в обосновании его возможности он нашел свою собственную вечность, свое бессмертие. Как апостол абсолютной свободы, он будет вечно жить в системе человечества (Ланц, 1914б, с. 118–119).

В юбилейном номере «Вопросов философии и психологии» опубликована еще одна статья Ланца — «Бытие и знание в философии Фихте», в которой представлен довольно развернутый анализ философского учения Фихте. Русский философ исходит из того, что современная философия многим обязана Фихте, так как именно он пытался последовательно преодолеть и возвыситься над противоположными философскими направлениями идеализма и реализма, которые в начале XX в. представлены имманентным и трансцендентным направлениями в философии.

Подобно Яковенко и Вышеславцеву, Ланц считает несостоятельным настойчиво воспроизводимый философской историографией шаблон о якобы существующем разрыве между двумя периодами в творчестве Фихте. Причина этого заблуждения коренится, по его мнению, в неверном понимании терминологии поздних сочинений Фихте, а именно понятий абсолютного бытия и абсолютного знания. Абсолютное бытие ошибочно трактуется онтологически как объективное бытие, независимое от сознания. Сознание же ошибочно понимается как носитель логического, значимости, то есть истины и

religion of consciousness, an ideologist of the absolute subject. But it was not an empirical, but pure and absolute subject merged with God and his world that was his religion and basis of his ethics. He did not value human being, but always, always only the element of humanity in human being and, in battling for the freedom of the subject, he always battled only for the liberation of humanity. Again, this is not an abstraction but a feature of absolute concreteness in the tendency, in the will. For human being is much more of an abstraction than humanity and is related to the latter in the same way as the abstract differential to a concrete and real integral. The freedom of this substantial subject of humanity was his eternal ideal and he gained his own freedom and his immortality in this ideal, in grounding its possibility. As an apostle of absolute freedom he will forever live in the system of humanity (Lanz, 1914b, pp. 118-119).

The jubilee issue of *Voprosy filosofii i psikhologii* carried another article by Lanz, titled “Being and Knowledge in the Philosophy of Fichte”, which presents a fairly extended analysis of Fichte’s philosophy. Lanz proceeds from the notion that modern philosophy owes much to Fichte because it was he who tried consistently to overcome and rise above opposing philosophical trends of idealism and realism which in the early twentieth century were represented by the immanent and transcendental schools in philosophy.

Like Yakovenko and Vysheslavtsev, Lanz considers untenable the cliché, constantly reproduced by philosophy historians, of an alleged rupture between two periods in Fichte’s work. This misconception, in his opinion, stems from a misunderstanding of the terminology in the later works of Fichte, namely the concepts of absolute being and absolute knowledge. Absolute being is interpreted mistakenly as objective being, independent from consciousness. Consciousness is mistaken-

понятий. Заслуга Фихте, полагает Ланц, состоит в вынесении значимости за пределы сознания в отдельную сферу, которая соотносится как с миром, так и с сознанием¹⁷. «Абсолютное бытие есть *единство* объективного существования и его понятия; оно есть значимость, которая в то же время рассматривается как мир» (Ланц, 1914а, с. 244). Если логическая структура ошибочно подменяется исследователями онтологической, то и получается «метафизическая в дурном смысле этого слова» интерпретация понятия «абсолютного бытия» (Там же, с. 229). Абсолютное бытие в поздней философии Фихте — это вневременное царство истины и чистых понятий, которое наделяет значимостью мир объективного бытия. Понятие в широком смысле, согласно Ланцу, — не только форма логического, но и «всепроницающее логическое божество», «момент Бога в явлении», который составляет реальность мира (Там же, с. 243). Таким образом, абсолютное бытие должно пониматься как логическое отношение значимости и конкретного бытия, как значимость, пронизывающая мир.

В свою очередь, абсолютное знание — это соединение активности сознания и значимости. Причем сознание не является носителем значимости. Для чего же вводится в систему «свобода сознания, которая совершенно не касается системы бытия? — Ответ на этот вопрос составляет систематическую сущность и индивидуальную оригинальность фихтеанства» (Там же). Познание, считает Ланц, не является только отражением бытия и его логичности, но сопровождается привнесениями со стороны сознания. «В знании мы имеем всегда *больше*, чем бытие, *больше*, чем тот логический смысл, который оно имеет; кроме этого смысла в нем заключается момент его “знательности” (Wissbarkeit) и сознательности» (Там же,

ly understood as the vehicle of the logical, of meaning i.e. the truth. Lanz claims that credit is due to Fichte for isolating signification in a distinct sphere which relates to the world and to consciousness.¹⁷ “Absolute being is a *unity* of objective existence and the concept thereof; it is signification which is at the same time seen as the world” (Lanz, 1914a, p. 244). If the researchers mistakenly substitute logical structure for an ontological one, the result is an interpretation of the concept of “absolute being” that is “metaphysical in the bad sense of that word” (*ibid.*, p. 229). In the later Fichte’s philosophy absolute being is a kingdom of truth and pure concepts which invests the world of objective being with meaning. According to Lanz, the concept in the broad sense is not only a form of the logical, but an “all-pervasive logical deity”, “the moment of God in manifestation” which constitutes the reality of the world (*ibid.*, p. 243). Thus, absolute being should be understood as the logical relation of validity (Gelten) and concrete being, as validity which permeates the world. In turn, absolute knowledge is a joining of the activity of consciousness and validity. Why is “freedom of consciousness, which has nothing to do with the system of being, introduced into the system? The answer to this question forms the systematic essence and individual originality of Fichteanism” (*ibid.*).

Cognition, according to Lanz, is not merely a reflection of being and its logical character, but is accompanied by insertions from consciousness. “In knowledge we always have more than being, more than the logical meaning it has; in addition to the meaning it includes the moment of “knowingness”

¹⁷ Трактровка фихтевской философии у Ланца созвучна учению Г. Лотце о *Gelten* как особом бытии смыслов, ценностей, значимостей, которое отличается от бытия самой вещи. Подробнее см.: (Lotze, 1874).

¹⁷ Lanz’s interpretation of Fichte’s philosophy chimes with Lotze’s teaching on *Gelten* as a special being of meanings, values, significations which is distinct from the being of the thing. For more see Lotze (1874).

с. 251). Переворот, совершаемый Фихте, заключается, с точки зрения Ланца, в кардинальном изменении понимания сознания. Если во всех системах философии до Фихте оно считается основным принципом рациональности, носителем Логоса, то у Фихте сущность сознания заключается в нарушении Логоса. Сознание приобретает статус принципа иррациональности, того, что выходит за пределы логического смысла бытия. Иррациональный момент сознания присутствует и в ощущениях, и в понятиях, однако никакого влияния на значимость не оказывает. Факт сознания — *«в свете обоснования и значимости... есть чистый нуль»* (Там же). Принцип иррациональности сосредоточен в Я и понимается как принцип логического единства мышления. И именно этот принцип объясняет множественность единичных и конкретных вещей: сознание «создает в мире всю эту переменчивую иллюзию явлений, эту непосредственную смену конкретных состояний, которая является фактом и которая с точки зрения абсолютного бытия совершенно непонятна и несущественна» (Там же, с. 254). По Ланцу, понятие субъекта познания у Фихте заменяет система принципов. Субъектное познавательное отношение, по существу, становится логическим. Познание превращается в трансцендентальное отношение.

Ланц полагает, что главная задача наукоучения Фихте — увязать противоречие абсолютного единства и наличной конкретной множественности. Эта задача реализуется у Фихте через генетическую концепцию знания. Фихте понимает под генезисом знания объединение абсолютных сторон познания — абсолютного бытия и свободной активности сознания. В их единстве формируется фактичность: «...фактичность и генезис совпадают. Непосредственная фактичность знания есть абсолютный генезис, а абсолютный генезис существует как простой факт, без всякой возможной внешней причины» (Fichte, 1986, S. 227). С точки зрения

(*Wissbarkeit*) and consciousness" (*ibid.*, p. 251). The turn executed by Fichte consists, Lanz believes, in a cardinal change of the interpretation of consciousness. Whereas in all the earlier systems of philosophy consciousness is deemed to be the main principle of rationality, the bearer of Logos, with Fichte the essence of consciousness is violation of Logos. Consciousness acquires the status of the principle of irrationality, of what goes beyond the logical meaning of being. The irrational element of consciousness is present in sensations, in concepts, but it does not influence significance. The fact of consciousness — *"in the light of grounding and significance [...] is a pure zero"* (*ibid.*). The principle of irrationality is concentrated in the I and is interpreted as the principle of the unity of thought. This principle explains the multiplicity of individual and concrete things: consciousness "creates in the world this changeable illusion of phenomena, the immediate change of concrete states which is a fact and which is totally unknowable and irrelevant in terms of absolute being" (*ibid.*, p. 254). According to Lanz, Fichte replaces the concept of the subject with a system of principles. The subjective cognitive attitude essentially becomes logical. Cognition turns into a transcendental relation.

Lanz believes that the main task of Fichte's science of knowledge is to resolve the contradiction between absolute unity and concrete multiplicity. Fichte tackles it through the genetic concept of knowledge. By genesis of knowledge Fichte understands the joining of the absolute aspects of cognition, absolute being and free activity of consciousness. Their unity forms facticity: "[...] facticity and genesis entirely coincide. Knowing's immediate facticity is absolute genesis; and the absolute genesis is — existing as a mere fact — without any possible further ground" (Fichte, 2005,

Ланца, познание нельзя трактовать как субъективный процесс, независимый от бытия и на бытие направленный, поскольку при такой трактовке знание оказывается совершенно независимым и от субъекта. «Мы уже видели, что в строгом смысле слова истину познавать нельзя, но можно только быть ею» (Ланц, 1914а, с. 263). Знание выстраивается как логический генезис, объединяющий бытие и иррациональность сознания:

«В себе бытие» каждого объекта есть та система принципов, которые лежат в его основе; его на основании принципов методически созданная структура есть его истинное бытие. Непосредственно данное бытие не есть истинное бытие, ибо оно не определено. Определение же возможно только на основании принципов, которые логически сохраняются в определенном объекте и составляют его сущность. Бытие насквозь логично (Там же, с. 277).

Ланц подробно обсуждает этическую составляющую системы Фихте и характеризует ее как трансцендентальный платонизм этической направленности (Там же, с. 278–279). В статье «Свобода и сознание» (1914) он подробно анализирует «Назначение человека» Фихте и утверждает, что немецкий философ предложил один из лучших вариантов философии свободы. Этика Фихте завязана на его теоретической философии, на трактовке сознания. Ланц полагает, что Фихте развивает кантовское понимание сознания, а именно окончательно устраняет любое субстанциальное прочтение сознания и доказывает его полную независимость от природы и причинной необходимости. Только уточнив понятие сознания, можно прийти к ясному пониманию кантовского разделения царства свободы от царства природы. Возвышение сознания над природой, положительный смысл сознания зафиксирован у Фихте в термине «деятельность». «Сознание есть чистая деятельность, абсолютная функция вне всякой субстанции» (Ланц, 1914г, с. 7), а «мир

p. 164). From Lanz's point of view, cognition cannot be interpreted as a subjective process independently from being and directed at being because this interpretation makes knowledge totally independent from the subject as well. "We have seen that in the rigorous sense of the word the truth cannot be known, but one can only be the same" (Lanz, 1914a, p. 263). Knowledge is built as logical genesis which brings together being and the irrationality of consciousness:

"The being-in-itself" of each object is the system of principles that underlie it; its true being is the structure built methodically on the basis of principles. The directly given being is not true being because it has not been defined. A definition is only possible on the basis of principles which are logically preserved in a certain object and constitute its essence. Being is logical through and through (*ibid.*, p. 277).

Lanz discusses the ethical part of Fichte's system in detail, characterising it as transcendental Platonism of the ethical variety (*ibid.*, pp. 278-279). In his article "Freedom and Consciousness" (1914) he unpicks Fichte's "The Vocation of Human Being" and claims that the German philosopher has come up with one of the best versions of the philosophy of freedom. Fichte's ethics stems from his theoretical philosophy, the interpretation of consciousness. Lanz believes that Fichte develops the Kantian concept of consciousness, i.e. finally eliminates any substantive reading of consciousness and proves its total independence from nature and causality. It is only by clarifying the concept of consciousness that one can arrive at clear understanding of the Kantian distinction between the kingdom of freedom and the kingdom of nature. The rise of consciousness above nature, the positive meaning of consciousness are fixed in Fichte's term "activity". "Consciousness is

есть свободное творение чистого понятия» (Там же, с. 11). Ланц характеризует философскую позицию Фихте как «пантеизм абсолютного и свободного знания», где знание становится «Богом, которому он (Фихте. — Л.К.) поклонялся, и миром, в котором жил, одновременно и все, и ничто из всего» (Там же, с. 12). Таким образом, в статьях 1914 г. Ланц, будучи глубоко вовлеченным в неокантианскую проблематику, подробно исследует фихтеанскую философию. Следствием этой вовлеченности стал особый интерес к проблеме логического, значимости. Теоретико-познавательная в своей основе интерпретация философии Фихте, заостряющая внимание на особом статусе сферы логического, сближает Ланца, например, с идеями Э. Ласка о логос-имманентности бытия, изначальной теоретической структурированности предметного мира¹⁸. Ланц в своих интерпретациях оказывается близким к Яковенко и указывает на синтез реализма и идеализма у Фихте. Фихте, по мнению Ланца, пытался разрешить противоречие абсолютного единства и наличной конкретной множественности, а из полученного в результате генетически выстроенного понятия абсолютного знания вывел этику.

В статьях и книгах, которые Ланц публиковал в 1920–1940-х гг. уже будучи профессором Стэнфордского университета, обнаруживаются следы влияния его ранних неокантианских исследований по философии Фихте (см.: Lanz, 1926; 1941). Поздние статьи Ланца сложно назвать в строгом смысле неокантианскими, однако их проблематика и иногда аргументация имеет пересечения с ранним периодом творчества Ланца. Так, можно выделить пересечения по двум фихтеанским темам в раннем и позднем творчестве Ланца. В статье «Иррациональность разумности» (1926) Ланц задается вопросом, какова

pure activity, an absolute function outside any substance” (Lanz, 1914d, p. 7), and “the world is free creation of a pure concept” (*ibid.*, p. 11). Lanz characterises Fichte’s philosophical position as “pantheism of absolute and free knowledge” where knowledge becomes “God whom he [Fichte — L.K.] worships and the world in which he lived, at once everything and nothing of everything” (*ibid.*, p. 12). Thus, in his 1914 articles Lanz, being deeply involved in the Kantian problematic, makes a detailed study of the Fichtean philosophy. His deep involvement accounts for his particular interest in the problem of the logical, of significance. The basically theoretical-cognitive interpretation of Fichte’s philosophy which draws attention to the special status of the sphere of the logical, invites comparison, for example, with the ideas of Emil Lask on the Logos-immanence of being, and the inherent theoretical structuring of the object world.¹⁸ Lanz in his interpretations turns out to be close to Yakovenko, pointing to Fichte’s synthesis of realism and idealism. Fichte, in his opinion, tries to resolve the contradiction between absolute unity and the actual concrete multiplicity and derives ethics from the resulting genetically built concept of absolute knowledge.

The articles and books Lanz published in the 1920s–1940s already as professor of Stanford University show traces of the influence of his early Neo-Kantian research of Fichte’s philosophy (*cf.* Lanz, 1926; 1941). Lanz’s later articles can hardly be called Neo-Kantian in the strict sense, but their problematics and occasional argumentation intersect with the earlier period of his work. Thus, we can point to

¹⁸ Намеренное дистанцирование Ланца от учения Ласка говорит о том, что Ланц был хорошо знаком с учением немецкого философа баденской школы. Ланц, например, критикует трансцендентное понимание логического у Ласка (Ланц, 1914а, с. 250). Подробнее о логос-имманентности у Ласка см., например: (Корнилаев, 2017, с. 27–28).

¹⁸ The fact that Lanz deliberately distances himself from Lask’s teaching shows that Lanz was thoroughly conversant with the teaching of the Baden-school philosopher. Lanz (1914a, p. 250), for example, inveighs against Lask’s transcendental interpretation of the logical. For more details on the Logos-immanence with Lask see, for example, Kornilaev (2017, pp. 27-28).

структура идей, и приходит к выводу, что идею нельзя разложить на части полностью и нельзя считать суммой частей. В ней всегда сохраняется как какой-то компонент, находящийся над и вне ее частей. Этот элемент не дополнительная часть идеи, а нечто относящееся к ее природе: «Это сущность идеального мира, то, из чего «состоят все наши идеи» и благодаря чему идеальные или логические структуры обретают свою целостность и индивидуальное значение» (Lanz, 1926, p. 352). Ланц утверждает, что этот элемент является прямым признанием иррационального в структуре идей, что в самой природе разума заложена иррациональность. Наши идеи содержат иррациональность, но не как материал, данный им извне, а как одну из своих собственных характерных черт, как нечто, принадлежащее их сущности. Иррациональность наличествует не в тех или иных конкретных идеях, которые трудно или невозможно проанализировать. Каждая идея несет в себе элемент иррациональности в той мере, в какой никакая другая идея не может проникнуть в ее смысл и никакое отношение не может разрушить ее логическую индивидуальность: «идеи — это логические монады» (Ibid.). Данные рассуждения Ланца созвучны его рассуждениям в ранний период о сознании у Фихте (см.: Ланц, 1914а, с. 251). В работе 1926 г. Ланц, видимо, транслирует свою интерпретацию сознания у Фихте на понимание рациональности. Он настаивает на том, что, «если мы определяем термин “рациональный” в его обычном смысле¹⁹, мы должны признать, что наше рассуждение по сути своей иррационально» (Lanz, 1926, p. 358).

В другой большой работе Ланца, «В поисках морали», посвященной поиску объективных критериев морали, тоже можно проследить определенные методологические пересечения с ранними рассуждениями, которые но-

¹⁹ Под рациональным в обычном смысле Ланц, по-видимому, понимает систему четко структурированных идей. Поскольку такая структурированность принципиально недостижима без учета иррационального момента, внешнего по отношению к этой структуре, следует, по его мнению, признать, что любое рациональное рассуждение по своей сути иррационально.

intersection on two Fichtean themes in Lanz's early and later periods. In the article "The Irrationality of Reasoning" (1926) Lanz asks the question, "What is the structure of ideas?" and comes to the conclusion that the idea cannot be broken up into parts completely and cannot be seen as a sum of parts. It always preserves a component that is above and outside its parts. This element is not an extra part of the idea, but has something to do with its nature: "It is the essence of the ideal world, something of which all our ideas are made, and through which the ideal or logical structures have their integrity and individual meaning" (Lanz, 1926, p. 352). Lanz claims that this element is direct evidence for the presence of the irrational in the structure of ideas, that irrationality is inherent in the very nature of reason. Our ideas contain irrationality, but not as material given from outside, but as one of its own characteristics, as something that is part of their essence. Irrationality is present not in certain concrete ideas, which are hard or impossible to analyse. *Each* idea carries an element of irrationality to the extent that no other idea can penetrate its meaning and no relation can destroy its logical individuality: "ideas are logical monads" (ibid.). This argument of Lanz (1914a, p. 251) is consonant with his early reasoning about consciousness with Fichte. In a 1926 work Lanz apparently translates his interpretation of consciousness by Fichte to the understanding of rationality. He argues that "If we define the term 'rational' in its ordinary sense,¹⁹ we must hold our reasoning to be essentially irrational" (Lanz, 1926, p. 358).

In another big work of Lanz, *In Quest of Morals*, devoted to the search for objective cri-

¹⁹ By rationality in the common sense Lanz apparently means a system of clearly structured ideas. Because such structuring is impossible in principle without taking into account the irrational element external to this structure, it follows, in his opinion, that any rational reasoning is essentially irrational.

сят, хотя и отдаленно, фихтеанский характер. Фихте в этой книге не упоминается. Ланц исходя из установок своей логики относительно-сти²⁰ показывает, что «ценности по своей сути относительны и что именно благодаря своей относительности они определяют некоторые инварианты, которые могут быть использованы в качестве регулирующих принципов для дальнейших оценок» (Lanz, 1941, p. 23). Относительность, случайность или, другими словами, иррациональность являются определяющими для нахождения каких-то констант, инвариантов, которые мы считаем объективностью.

Заключение

Философия Фихте сыграла важную методологическую роль в историко-философских и теоретических исследованиях русских неокантианцев. В историко-философских работах русских неокантианцев выделяется ряд единых тенденций: представить философское творчество Фихте целостно, как слияние идеализма и реализма, и без разделения на автономные периоды; показать неполноценность одностороннего понимания философии Фихте как выведения Абсолюта из индивидуального «Я»; зафиксировать этический характер философии Фихте; подчеркнуть обоснованность предложенной Фихте трактовки проблемы иррационального и др. Интерпретация примата практического разума у Фихте, ставшая ключевой для образа фихтеанской философии в немецком неокантианстве, получила продолжение и оригинальное развитие у русских неокантианцев. Так, Яковенко трактует наукоучение как учение о жизни и свободе, содержащее в себе обоснование христианства; Вышеславцев, погружая этический идеализм Фихте в

²⁰ Ланц попытался применить чрезвычайно модную в то время теорию относительности к логическим проблемам. Он опирается на математический аппарат общей теории относительности, в частности на понятие тензора, используемое для описания инвариантности законов природы.

teria one can also trace certain methodological intersections with earlier reasoning which have, even if remotely, a Fichtean character. Fichte is not mentioned in that book. Lanz (1941, p. 23), proceeding from the principles of his logic of relativity,²⁰ shows that “values are inherently relative and that precisely by being relative they define certain invariants which may be used as regulative principles for further valuations”. Relativity, accident or in other words irrationality are key in looking for constants, invariants which we deem to be objective.

Conclusion

Fichtean philosophy played an important methodological role in historical-philosophical and theoretical research of Russian Neo-Kantians. Several common tendencies can be identified in their historical-philosophical works: such tendencies are presenting Fichte’s work in a holistic way as a blend of idealism and realism without a division into autonomous periods; showing that his one-sided conception of philosophy as derivation of the Absolute from the individual I is untenable; stressing the ethical character of Fichte’s philosophy; stressing the validity of Fichte’s treatment of the irrational. Fichte’s interpretation of the primacy of practical reason, which became a key feature of the image of Fichtean philosophy in German Neo-Kantianism, was picked up and developed in an original way by Russian Neo-Kantians. Thus, Yakovenko interprets the science of knowledge as a teaching on life and freedom which offers a grounding of Christianity; Vysheslavtsev by immersing Fichte’s ethical idealism in the context of the idea of ac-

²⁰ Lanz tried to apply to logical problems the theory of relativity which was all the rage at the time. He uses the mathematical apparatus of the general theory of relativity, notably the concept of tensor used to describe invariant laws of nature.

контекст идеи об актуальной бесконечности, раскрывает сущность права, государства и хозяйства; Ланц проясняет теоретические основания этики как философии свободы у Фихте.

Теоретические исследования русских неокантианцев явно или неявно сохраняют следы влияния философии Фихте. Так, в самостоятельных концепциях Яковенко обнаруживаются идеи, которые появились у него в связи с изучением фихтеанской философии: построение единой системы сущего, отрицание дуалистических концепций сущего, понимание основной задачи философии как нацеленности на абсолютное и беспредпосылочное познание сущего. Существенным отличием философии Яковенко от Фихте является поворот русского философа в сторону построения плюралистической онтологии. В ряде англоязычных статей Ланца также обнаруживаются следы влияния философии Фихте, что выражается главным образом в особом внимании к проблеме иррационального: осмысление процесса мышления как творческого процесса, указание на обязательное наличие элемента иррациональности в структуре идей, попытка преодолеть противоречия идеализма и реализма и перенести их единство в этику и эстетику.

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект МК-4700.2021.2 «Философия Фихте в русском неокантианстве».

Список литературы

Вышеславцев Б. П. Обоснование социализма у Фихте // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 95. С. 571–587.

Вышеславцев Б. П. Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М. : Печатня А. Снегиревой, 1914.

Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

tual infinitude, reveals the essence of law, the state and economics; Lanz clarifies the theoretical grounds of ethics as Fichte's philosophy of freedom.

The theoretical studies of Russian Neo-Kantians have obvious or implicit traces of the influence of Fichte's philosophy. Thus, in his own conceptions Yakovenko puts forward ideas which have been prompted by his study of Fichte: the building of an integral system of what exists, rejection of dualistic concepts of what exists, and the interpretation of philosophy's main task as absolute and unpreamised cognition of the world. An essential difference of Yakovenko's philosophy from Fichte's is the Russian philosopher's pivot toward building a pluralistic ontology. Some of Lanz's English-language articles also show traces of Fichte's influence which is chiefly manifested in his special attention to the problem of the irrational: the interpretation of reasoning as a creative process, recognition of the obligatory presence of an irrational element in the structure of ideas, and the attempt to overcome the contradiction between idealism and realism and transfer their unity to ethics and aesthetics. (In Rus.)

The study was supported by the Russian President's Grant МК-4700.2021.2 "Fichte's Philosophy in Russian Neo-Kantianism".

References

Abaschnik, V.A., 2013. Patriot oder Nationalist? Rezeption von Fichtes Reden an die deutsche Nation in Russland und der Ukraine. *Fichte-Studien*, 38(1), pp. 231-247. https://doi.org/10.1163/18795811_03801015

Dmitrieva, N. A., 2007. *Russkoe neokantianstvo: "Marburg" v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki* [Russian Neo-Kantianism: "Marburg" in Russia. Historical and Philosophical Essays]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).

Dmitrieva, N. A. and Popova, O. A., 2008. Lanz Henrich Ernestovich. In: *Moskovskaya entsiklopediya* [Moscow Encyclopedia], 2008. Volume 1, Book 2. Moscow: Fond "Moskovskie entsiklopedii", p. 383.

Дмитриева Н. А., Попова О. А. Ланц Генрих Эрнестович // Московская энциклопедия. М. : Фонд «Московские энциклопедии», 2008. Т. 1 : Лица Москвы. Кн. 2. С. 383.

Ермичев А. А. О неокантианце Б.В. Яковенко и его месте в русской философии. Вступительная статья // Яковенко Б. В. Мошь философии / отв. ред. А. А. Ермичева. СПб. : Наука, 2000. С. 5–42.

Ермичев А. А. Борис Валентинович Яковенко — русский исследователь философии И. Г. Фихте // Яковенко Б. В. Жизнь и философия Иоганна Готлиба Фихте. СПб. : Наука, 2004. С. 5–34.

Ермичев А. А. Жизнь и философия Бориса Валентиновича Яковенко // Борис Валентинович Яковенко / под ред. А. А. Ермичева. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 71–122.

Жучков В. А. Фихте как индикатор противоречий русской философии конца XIX — начала XX века // Философия Фихте в России. СПб. : Изд-во РХГИ, 2000. С. 212–237.

Корнилаев Л. Ю. Философский проект Эмиля Ласка // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2017. № 1. С. 13–32.

Корнилаев Л. Ю. Особенности критики философии Э. Ласка в России // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 132–144.

Корнилаев Л. Ю. Образ философии Фихте в немецком неокантианстве // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 4. С. 76–93.

Лазарев В. В. Об этическом осмыслении философии Фихте в России в конце XIX — начале XX века // Философия Фихте в России. СПб. : Изд-во РХГИ, 2000. С. 258–336.

Лазарев В. В. Этическая мысль в Германии и России. Осмысление фихтеанства русскими философами конца XIX — начала XX в. М. : ИФ РАН, 2006.

Ланц Г. Бытие и знание в философии Фихте // Вопросы философии и психологии. 1914а. Кн. 122. С. 227–282.

Ланц Г. Иоганн Готлиб Фихте // Вопросы философии и психологии. 1914б. Кн. 122. С. 65–119.

Ланц Г. Памяти Фихте // Русская мысль. 1914в. Кн. 6. С. 42–51.

Ланц Г. Свобода и сознание: (К столетию со дня смерти И. Фихте) // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. 1914г. Кн. 1, вып. 1. С. 1–23.

Ermichev, A. A., 2000. On the Neo-Kantian B. V. Yakovenko and His Place in Russian Philosophy. Introductory article. In: B. V. Yakovenko, 2000. *Moshch' filosofii [Power of Philosophy]*. Saint-Petersburg: Nauka, pp. 5-42. (In Rus.)

Ermichev, A. A., 2004. Boris Valentinovich Yakovenko — Russian Researcher of J. G. Fichte's Philosophy. In: B. V. Yakovenko, 2004. *Zhizn' i filosofiya Ioganna Gotliba Fikhte [The Life and Philosophy of Johann Gottlieb Fichte]*. Saint-Petersburg: Nauka, pp. 5-34. (In Rus.)

Ermichev, A. A., 2012. Life and Philosophy of Boris Valentinovich Yakovenko. In: A. A. Ermichev, ed. 2012. *Boris Valentinovich Yakovenko*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), pp. 71-122. (In Rus.)

Fichte, J. G., 1982. Introduction to the Science of Knowledge. In: J. G. Fichte, 1982. *Science of Knowledge*. Edited and translated by P. Heath and J. Lachs. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 3-28.

Fichte, J. G., 2005. *The Science of Knowing: J. G. Fichte's 1804 Lectures on the Wissenschaftslehre*. Translated by W. E. Wright. Albany, N. Y.: State University of New York Press.

Fichte, J. G., 2021. Foundation of the entire Wissenschaftslehre. In: J. G. Fichte, 2021. *Foundation of the Entire Wissenschaftslehre and Related Writings (1794 – 95)*. Edited and translated by D. Breazeale. Oxford: Oxford University Press, pp. 196-378.

Ivanenko, A. A., 2013. Das Problem der veränderten Lehre in der russischen Fichte-Forschung. *Fichte-Studien*, 38(1), pp. 249-256. <https://doi.org/10.5840/fichte20133815>

Kornilaev, L. Yu., 2022. The Image of Fichte's Philosophy in German Neo-Kantianism. *Kantian Journal*, 41(4), pp. 76-93.

Krotkow, W., 2013. Fichtes Einfluss auf die Konzeption des absoluten Realismus von S. L. Frank (philosophisch-politischer Blick). *Fichte-Studien*, 38(1), pp. 271-275. http://dx.doi.org/10.1163/18795811_03801019

Lanz, H., 1912. *Das Problem der Gegenständlichkeit in der modernen Logik*. Berlin: Reuter & Reichard, 1912.

Lanz, H., 1913. Fichte und der transzendente Wahrheitsbegriff. *Archiv für Geschichte der Philosophie*, 26(1), Neue Folge, 19(1), pp. 1-25.

Lanz, H., 1914а. Being and Knowledge in Fichte's Philosophy. *Voprosy filosofii i psikhologii [Issues of Philosophy and Psychology]*, 122, pp. 227-282. (In Rus.)

Ломоносов А. Г. Актуализация трансцендентально-го идеализма И. Г. Фихте в творчестве Б. В. Яковенко // Борис Валентинович Яковенко / под ред. А. А. Ермичева. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 260–287.

Философия Фихте в России / под ред. В. Ф. Пустарнакова. СПб. : Изд-во РХГИ, 2000.

Фихте И. Г. Основа общего наукоучения // Соч. : в 2 т. СПб. : Мифрил, 1993а. Т. 1. С. 65–337.

Фихте И. Г. Первое введение в наукоучение // Соч. : в 2 т. СПб. : Мифрил, 1993б. Т. 1. С. 443–476.

Фихте И. Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения / пер. А. К. Судакова. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014.

Штольценберг Ю. Право и мораль. Пауль Наторп и интерпретация Борисом Вышеславцевым Канта и Фихте // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М. : РОССПЭН, 2010. С. 317–327.

Яковенко Б. В. Путь философского познания // Яковенко Б. В. Мощь философии. СПб. : Наука, 2000а. С. 244–263.

Яковенко Б. В. Сущность плюрализма // Яковенко Б. В. Мощь философии. СПб. : Наука, 2000б. С. 282–292.

Яковенко Б. В. Наукоучение (Опыт историко-систематического исследования) // Яковенко Б. В. Жизнь и философия Иоганна Готлиба Фихте. СПб. : Наука, 2004а. С. 207–350.

Яковенко Б. В. Основная идея теоретической философии И. Г. Фихте // Яковенко Б. В. Жизнь и философия Иоганна Готлиба Фихте. СПб. : Наука, 2004б. С. 182–206.

Abaschnik V. A. Patriot oder Nationalist? Rezeption von Fichtes *Reden an die deutsche Nation* in Russland und der Ukraine // *Fichte-Studien*. 2013. Bd. 38, H. 1. S. 233–247. https://doi.org/10.1163/18795811_03801015

Fichte J. G. Die Wissenschaftslehre. Zweiter Vortrag im Jahre 1804. Hamburg : Meiner, 1986.

Ivanenko A. A. Das Problem der veränderten Lehre in der russischen Fichte-Forschung // *Fichte-Studien*. 2013. Bd. 38, H. 1. S. 249–256. <https://doi.org/10.5840/fichte20133815>

Krotkow W. Fichtes Einfluss auf die Konzeption des absoluten Realismus von S. L. Frank (philosophisch-politischer Blick) // *Fichte-Studien*. 2013. Bd. 38, H. 1. S. 271–275. https://doi.org/10.1163/18795811_03801019

Lanz, H., 1914b. Johann Gottlieb Fichte. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Issues of Philosophy and Psychology], 122, pp. 65–119. (In Rus.)

Lanz, H., 1914c. In Memory of Fichte. *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 6, pp. 42–51. (In Rus.)

Lanz, H., 1914d. Freedom and Consciousness: (On the Centenary of the Death of J. G. Fichte). *Logos*, 1(1), pp. 1–23. (In Rus.)

Lanz, H., 1926. The Irrationality of Reasoning. *The Philosophical Review*, 35(4), pp. 340–359.

Lanz, H., 1941. *In Quest of Morals*. Stanford: Stanford University Press; London: Oxford University Press.

Lazarev, V. V., 2000. On the Ethical Comprehension of Fichte's Philosophy in Russia in the Late 19th and early 20th Centuries. In: V. F. Pustarnakov, 2000. *Filosofiya Fikhte v Rossii* [Fichte's Philosophy in Russia]. Saint-Petersburg: RKHG Press, pp. 258–336. (In Rus.)

Lazarev, V. V., 2006. *Eticheskaya mysl' v Germanii i Rossii. Osmyslenie fikhteanstva russkimi filosofami kontsa XIX – nachala XX v.* [Ethical Thought in Germany and Russia. Comprehension of Fichteanism by Russian Philosophers of the Late 19th and early 20th Centuries]. Moscow: IF RAN. (In Rus.)

Lomonosov, A. G., 2012. Actualization of J. G. Fichte's Transcendental Idealism in the Work of B. V. Yakovenko. In: A. A. Ermichev, 2012. *Boris Valentinovich Yakovenko*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), pp. 260–287. (In Rus.)

Stolzenberg, J., 2010. Right and Moral. Paul Natorp and Boris Vysheslavtsev's Interpretation of Kant and Fichte. In: I. N. Griftsova and N. A. Dmitrieva, eds. 2010. *Neokantianstvo nemetskoe i russkoe: mezhdru teoriei poznaniya i kritikoi kul'tury* [German and Russian Neo-Kantianism: Between Theory of Cognition and Critique of Culture]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), pp. 317–327. (In Rus.)

Stolzenberg, J., 2024. Recht und Moral. Kant und Fichte im Neokantianismus: Paul Natorp und Boris Vysheslavtzeff. *Fichte-Studien*, 53(2), pp. 395–408. <https://doi.org/10.1163/18795811-05302008>

Vysheslavtsev, B. P., 1908. Fichte's Justification of Socialism. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 95, pp. 571–587. (In Rus.)

Vysheslavtsev, B. P., 1914. *Etika Fikhte. Osnovy prava i нравstvennosti v sisteme transtsendental'noi filosofii* [Fichte's Ethics. Foundations of Law and Morality in the System of Transcendental Philosophy]. Moscow: Pechatnya A. Snegirevoi. (In Rus.)

Lanz H. Das Problem der Gegenständlichkeit in der modernen Logik. Berlin : Reuther & Reichard, 1912.

Lanz H. Fichte und der transzendente Wahrheitsbegriff // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1913. Bd. 26, H. 1 (Neue Folge, Bd. 19, H. 1). S. 1–25.

Lanz H. The Irrationality of Reasoning // The Philosophical Review. 1926. Vol. 35, № 4. P. 340–359.

Lanz H. In Quest of Morals. Stanford : Stanford University Press ; L. : Oxford University Press, 1941.

Lotze H. Logik. Leipzig : Hirzel, 1874.

Stolzenberg J. Recht und Moral. Kant und Fichte im Neukantianismus: Paul Natorp und Boris Wischeslavzeff // Fichte-Studien. 2024. Bd. 53, H. 2. S. 395–408. <https://doi.org/10.1163/18795811-05302008>

Wischeslavzeff B. Recht und Moral // Philosophische Abhandlungen. Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag (4. Juli 1912) dargebracht. Berlin : B. Cassirer, 1912. S. 190–202.

Сведения об авторе:

Леонид Юрьевич **Корнилаев** — кандидат философских наук, философский факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: kornhist@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4520-3218>

Для цитирования:

Корнилаев Л. Ю. Идеи Фихте в философских учениях русских неокантианцев // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 2. С. 101–126.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-2-5>

© Корнилаев Л. Ю., 2025.

Yakovenko, B. V., 2000a. The Path of Philosophical Cognition. In: B. V. Yakovenko, 2000. *Moshch' filosofii [Power of Philosophy]*. Saint-Petersburg: Nauka, pp. 244–263. (In Rus.)

Yakovenko, B. V., 2000b. Essence of Pluralism. In: B. V. Yakovenko, 2000. *Moshch' filosofii [Power of Philosophy]*. Saint-Petersburg: Nauka, pp. 282–292. (In Rus.)

Yakovenko, B. V., 2004a. Science of Knowledge (An Attempt of Historical and Systematic Study). In: B. V. Yakovenko, 2004. *Zhizn' i filosofiya Ioganna Gotliba Fikhte [Johann Gottlieb Fichte's Life and Philosophy]*. Saint-Petersburg: Nauka, pp. 207–350. (In Rus.)

Yakovenko, B. V., 2004b. The Basic Idea of J. G. Fichte's Theoretical Philosophy. In: B. V. Yakovenko, 2004. *Zhizn' i filosofiya Ioganna Gotliba Fikhte [Johann Gottlieb Fichte's Life and Philosophy]*. Saint-Petersburg: Nauka, pp. 182–206. (In Rus.)

Zhuchkov, V. A., 2000. Fichte as an Indicator of Contradictions in Russian Philosophy of the Late 19th and early 20th Centuries. In: V. F. Pustarnakov, 2000. *Filosofiya Fikhte v Rossii [Fichte's Philosophy in Russia]*. Saint-Petersburg: RKHGI Press, pp. 212–237. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Leonid Yu. **Kornilaev**, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; *Academia Kantiana*, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia.

E-mail: kornhist@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4520-3218>

To cite this article:

Kornilaev, L. Yu., 2025. Fichte's Ideas in the Philosophical Doctrines of Russian Neo-Kantians. *Kantian Journal*, 44(2), pp. 101–126.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-2-5>

© Kornilaev L. Yu., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))